

Шишанов В.А.
«АДРЕС ПРОФЕССОРА РЕПИНА НЕИЗВЕСТЕН...»
(К ИСТОРИИ ОДНОЙ ПЕРЕПИСКИ ВОКРУГ УСАДЬБЫ ЗДРАВНЕВО)

Небольшая усадьба Здравнево неподалеку от Витебска стала для великого русского художника Ильи Репина местом, где его талант обрел новое дыхание. Здесь на протяжении 1892–1902 гг. художник создал ряд картин, вошедших в сокровищницу русского и мирового искусства: «Осенний букет» (1892), «На Западной Двине. Восход Солнца» (1892), «Белорус» (1892), «Лунная ночь» (1896), «Дуэль» (1896), «На солнце» (1900) и другие. Однако еще в 1899 году художник приобрел под Петербургом новую усадьбу – «Пенаты», где позже жил постоянно.

После Октябрьской революции и провозглашения независимости Финляндии «Пенаты» оказались оторванными от России. Репин невольно становится эмигрантом. В 1918 г. в Здравнево из голодного Петрограда перебирается младшая дочь художника Татьяна Репина-Язева со своей дочерью. С этого момента события в былом месте отдыха на Витебщине становятся источником тревог и хлопот для Ильи Ефимовича. Действительно, близкие художника, по классификации большевиков, попадали в разряд «бывших помещиков» и «классово чуждых элементов», что ставило их в полную зависимость от милости верхов. Поэтому и Репин при всей вражде к Советской власти каждый раз должен был апеллировать к ним, чтобы как-то улучшить положение «родной ему семьи».

Так, в фондах Государственного архива Витебской области, Витебского областного краеведческого музея сохранилась достаточно обширная переписка 1923–1924 гг. (17 документов) по вопросу о помощи, проживавшим в Здравнево близким И.Е. Репина и охране усадьбы. Однако следы переписки уходят в «центр», в Москву. И не так давно, среди бумаг музейного отдела в фонде Главнауки Наркомпроса РСФСР в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) нам удалось выявить новые документы. Безусловно, не все из них представляют интерес. В большинстве своем это распоряжения вышестоящих инстанций нижестоящим, отношения, сопроводительные записки которые, опускаясь по административной лестнице, порождают новый взаимообмен посланиями и, наконец, начинается подъем наверх полученных ответов с новыми сопроводительными записками. Таким образом, переписка, поступившая в организационный отдел ВЦИК в январе 1924 года насчитывает 16 листов [5, л. 3–19].

В июне 1921 года из Петрограда в Здравнево на две недели приехала Вера Репина. В письме отцу она передает благодарность от младшей дочери за завещание ей Здравнево, но сообщает, что подобные завещания уже не имеют силы и советует: «<...> надо написать так, что: «Прощу Здравнево оставить неприкосновенным, сохраняя и не разрушая его, как оно было – моего имени – охранителями же назначаю дочь Татьяну, внучку Татьяну и ее мужа Ивана Дмитр[иевича] Дьяконова. <...> Все крестьяне, волость и город Витебск помнят, вспоминают тебя за прошлое, и все сделают по желанию твоему» [7]. Обнаруженные документы заставляют усомниться в правомерности последней фразы. Ход, содержание и продолжительность переписки, последовавшей за обращениями о помощи, скорее можно отнести к курьезу, примеру бюрократической волокиты.

В публикациях уже приводились сведения о письмах отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы Наркомпроса РСФСР, отправленных 15 и 20 февраля 1923 года соответственно в Витебский губисполком и губкоммуноотдел, в которых органы местной власти информировались о том, что Здравнево находится под «особой охраной» отдела [6, с. 25–26]. 28 февраля жилищный подотдел Витебского губкоммуноотдела информировал отдел по делам музеев, что «сделаны соответствующие

распоряжения об охране усадьбы “Здравнево” и находящихся в ней художественных произведений» [1, л. 45; 4, л. 82–89]. В мае Витгубоно также доносил президиуму губисполкома о принятии мер к охране художественных ценностей в усадьбе [2, л. 420]. Казалось бы, проблемы близких Репина, во всяком случае, факт существования семьи Т.И. Репиной-Язевой и место жительства должны были стать известными местным властям.

4 мая 1923 г. заведующая отделом музеев Н.И. Троцкая получила следующее письмо Ильи Репина: «Близ гор. Витебска, Верховской волости в принадлежавшем мне имении «Здравнево» с 1892 г. я жил почти безвыездно более 10-ти лет, имея 130 десятин земли, с лесом, на берегу Западной Двины. Приспособляя, пристраивая к искусству живописи, которой всегда занимался и хозяйствовал все это время, давая заработок крестьянам соседних деревень.

Мастерская, башня, и проч. с росписью стен, камина еще несколько уцелели. Со времени нового правительства, дочь моя, Татьяна Ильинична Язева (рожд. Репина) с моей внучкой Татьяной Николаевной Диаконовой, преподают в школе, учрежденной в нашем доме и несут все повинности на 4-х десятинах земли, всего оставленных им для прокормления.

Иван Диаконов, женившийся на моей внучке, с ее матерью, работают сверх сил, личным трудом, чтобы как-нибудь не умереть с голода.

100 десятин я уступил дешево крестьянам, по их неотступной просьбе еще раньше. Теперь при усадьбе оставлено им 4-е десятины.

Прошу Отдел Музеев, не найдет ли он возможным охранять, под непосредственным ведением моей дочери Татьяны Ильиничны Репиной-Язевой, содействуя ей необходимым ремонтом, дома-школы, а также найти возможность прибавить им земли» [5, л. 285 и об.].

Спустя месяц, 5 июня Н.И. Троцкая посылает новое письмо в Витебский губисполком, в котором излагает содержание письма Репина и просит «обследовать при посредстве Ваших органов состояние дома художника и материальное состояние его семьи и в случае необходимости оказать семье мирового художника необходимое содействие» [5, л. 18 и об.]. Местные власти понимают буквально – нужно «помочь Репину» и спускают соответствующее указание уездному исполкому. Заместитель заведующего отделом управления уисполкома Герасименко, обнаруживая свою неосведомленность, 26 июня просит губисполком «сообщить местожительство такового [И. Репина – В.Ш.], в противном случае не представляется возможным произвести обследование его семейного и имущественного положения» [5, л. 16]. Секретарь Губисполкома в ответ сообщает: «Губисполкому адрес профессора Репина неизвестен, таковой можно узнать в УЗУ [уездном земельном управлении – В.Ш.]» [5, л. 15]. 16 июля Герасименко отправляет запрос в УЗУ. Резолюция на документе гласит: «Сам Репин находится в Финляндии. Переписка о земле и постройках находится в Судебной комиссии. 17/VI-23» [5, л. 14].

28 июля ВитУЗУ возвращает в отдел управления Витуисполкома переписку на 6 листах и информирует, что семья – дочь и внучка, профессора живописи И. Репина проживают в имении Здравнево, Храповичской волости. Наконец, место нахождения здравневских страдальцев выяснено и следует резолюция: «Срочно направить Храповичскому ВИК для обследования и доставления материала президиуму со своим заключением. 31/VII» [5, л. 13]. Но волостной исполком не торопится и 12, а затем 14 октября следуют гневные письма секретариата Президиума Витуисполкома о немедленном проведении обследования дома И. Репина. Резолюция: «Г. Ивашеву. Срочно исполнить и дать объяснение, почему не исполнено 22/X с/г». Ответ – «За неимением времени, следует произвести обследование председ [ателю] сельсовета.

25/X 23 г.» [5, л. 11, 10]. 27 октября соответствующее распоряжение было послано председателю сельсовета [3, л. 112].

Наконец, спустя 7 месяцев после письма Н.И. Троцкой, 30 ноября 1923 года член Храповичского волисполкома С.И. Ивашнев, выехал в Здравнёво для проведения обследования. Составленный акт является важным документом для проведения реконструкции застройки усадьбы, в котором, что особенно ценно, помимо сведений о характере и состоянии построек, указываются их размеры [5, л. 8–9 об.].

11 декабря акт, вместе с сопроводительным письмом Храповичского волисполкома [5, л. 7], начал восхождение по бюрократической лестнице. Забавно, что в сопроводительных письмах сохранялась фраза – «переписка по поводу обследования семейного и имущественного положения профессора живописи Репина». И только в завершающем письме организационного отдела ВЦИК в отдел науки Наркомпроса от 17 января 1924 г. в машинопись от руки была внесена правка «<...> положения семьи профессора живописи Репина». Впрочем, и такая формулировка не вносила полной ясности, о какой семье идет речь [5, л. 3–6]. Материалы обследования были отосланы в отдел музеев «по принадлежности» и, как можно заключить из дальнейшего развития событий, ни каких мер по ремонту построек усадьбы предпринято не было. Семье Т.И. Репиной-Язевой удалось, в конце концов, решить только земельный вопрос, а новый дом для себя строить собственными силами.

Впереди семью Репиных-Дьяконовых ждали несколько относительно спокойных лет, прошедших в заботах о хозяйстве и детях и со своими маленькими семейными радостями. Но в 1929 г. началась новая волна репрессий по отношению к «бывшим» и только благодаря заступничеству А.В. Луначарского удалось избежать, казалось, неминуемого раскулачивания и выселения [8, с. 104–115]. В конце концов, близкие художника в июле 1930 г. покинули Здравнёво и выехали в Финляндию. К моменту отъезда главный дом усадьбы пришел в такое жалкое состояние, что его пришлось продать на дрова.

1. Витебский областной краеведческий музей. – Научный архив. – Ф. 3. – Д. 4.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 232.
3. ГАВО. – Ф. 94. – Оп. 1. – Д. 124.
4. ГАВО. – Ф. 1231. – Оп. 1. – Д. 52.
5. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. А-2307. – Оп. 3. – Д. 297.
6. Кичина, Е.М. И.Е. Репин и Здравнёво. В обретении и разлуке / Е.М. Кичина. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Витебск, 1994. – 112 с.
7. Научно-библиографический архив Российской Академии художеств. – Ф. 25. – Оп. 2. – Ед. хр. 424. – Л. 26–27. Письмо В.И. Репиной И.Е. Репину 24 июля 1921 г. В.И. Репина эмигрировала в Финляндию в апреле 1922 г.
8. Шышанаў, В. Невядомае Здраўнёва / В. Шышанаў // Віцебскі сшытак. – 2000. – №4. – С. 90–115.